

Завораживающие
детективы
**ВИКТОРИИ
ПЛАТОВОЙ**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

Купель дьявола

Куколка для монстра

В тихом омуте

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Купель
дьявола**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7   Купель дьявола / Виктория Платова. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-04-089625-7

Что может связывать фартового вора, известного коллекционера и преуспевающего молодого бизнесмена? Только смерть! Всех троих убивает картина старого голландского мастера, обладателями которой они были. Их смерть кажется необъяснимой. Такой же необъяснимой, как и сходство новой хозяйки картины, владелицы крохотной арт-галереи Кати Соловьевой, с изображенной на полотне рыжеволосой красавицей. Шлейф мистических смертей тянется из далекого прошлого, но у картины-убийцы есть соучастники и в настоящем.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089625-7

© Виктория Платова, текст, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все события, происходящие в романе,
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми — случайно.

Автор

Пролог

Нидерланды.

Поздняя весна 1499 года

Мой город сожран морем.

Погребен в его холодной, набитой рыбой и моллюсками пасти. Никто не спасся, даже любимая кошка дочери бургомистра, даже колокол церкви Святой Агаты. По ночам я слышу его слабый голос, доносящийся сквозь толщу вод. Или мне только кажется, что я слышу?

Мой город сожран морем.

Оно просочилось сквозь дюны, когда все спали — даже любимая кошка дочери бургомистра, даже колокол церкви Святой Агаты. Не спал только ты — Лукас ван Острема.

Лукас Устрица.

Именно ты виноват в смерти моего города, Лукас Устрица. Будь проклят тот день, когда ты появился в нем. Ты возник из тумана в самом конце улицы, у рыбной лавки одноглазого Рогира. Как раз в тот момент, когда кухарка бургомистра, толстая Ханна, выбирала сельдь для торжественного обеда в магистрате по случаю годовщины корпорации стрелков. Сельдь не нравилась Ханне, и все три ее подбородка отчаянно тряслись. И налитые водянкой ноги тоже тряслись. И единственный глаз Рогира подрагивал — они никак не могли сойтись в цене.

И тогда появился ты, Лукас Устрица.

Тяжелый липкий парус тумана приподнялся, дети перестали играть, мертвые угри приоткрыли глаза, мертвая сельдь приоткрыла рот, а Рогир и Ханна сразу же забыли о своей склоке из-за двух лишних монет.

Красавчик Лукас Устрица с ящичком красок за плечами — даже рыбы хвосты влюбились в тебя. С первого взгляда. Ты потрещал детей по грязным взмокившим макушкам, ты подружески подмигнул одноглазому Рогифу, а потом почти тельно спросил у толстой Ханны, как пройти к бургомистру. Сначала Ханна не сообразила, что тебе ответить: все три ее подбородка тоже влюбились в тебя. С первого взгляда. Кровь отхлынула от ее щек, дурная вода отхлынула от ее циклолотов, и ноги ее сразу же стали стройными. Как у девушки.

Клянусь, я сам это видел. Но тогда я и представить себе не мог, какую беду ты приведешь с собой под уздцы, Лукас Устрица. И сказал своей возлюбленной жене... Своей маленькой женоушке, которая сейчас покоится в мрачной утробе моря вместе со всеми, будь ты проклят, Лукас Устрица... Я сказал ей в то утро: «Должно быть, это и есть тот самый мастер из Гента, которого пригласили писать портрет наших стрелков». — «А он хорошенький», — сказала моя возлюбленная жена, моя маленькая женоушка. И коснулась мизинцем уголков губ: так она делала всегда, когда пребывала в задумчивости. Или в восхищении. Или хотела солгать мне. А потом глаза ее увлажнились и стали такими же темными и блестящими, как загривок только что пойманного угря. Никогда раньше я не видел у своей Урсулы таких темных и блестящих глаз. Даже когда надевал ей на палец кольцо. Даже когда она сообщила мне, что ждет ребенка, — много позже, когда потоки твоих красок накрыли город с головой, Лукас. «Ты обязательно должен заказать ему наш портрет, Хендрик, ходят слухи, что он очень хороший художник, этот мастер из Гента», — сказала тогда Урсула.

Странно, что эти слухи обошли меня стороной...

Ты поселился у одноглазого Рогифа, Лукас Устрица, снял у него три комнаты под мастерскую на втором этаже. И в тот же день был представлен бургомистру, дочери бургомистра и начальнику стрелков.

На кошку дочери бургомистра ты не произвел никакого впечатления. Она оказалась единственной, кого ты оставил равнодушной. Зато ее хозяйка, рыжеволосая Катрин... О, что

случилось с первой красавицей нашего города! Она поделила участь всех — она влюбилась в тебя. И сделала все, чтобы разделить твое ложе.

Но это произошло чуть позже. Уже после того, как ты написал групповой портрет наших стрелков. Он был выставлен в магистрате, и это лучшее из того, что я когда-либо видел. Я утверждаю это и сейчас, хотя ненавижу тебя, как ненавижу Ада и всех демонов Ада. Он до сих пор стоит у меня перед глазами, этот чертов портрет, вся дюжина стрелков с их начальником Дирком Хемскерком в центре. Дирк получился у тебя отменно, холодный и мужественный, — должно быть, именно таким видела своего мужа жена Дирка в самых постыдных предутренних снах. И юный Иос, сын одноглазого Рогифа, получился у тебя отменно: он стоит за спиной Хемскерка, и ужасный шрам на его правой щеке вовсе не выглядит ужасным, — скорее он похож на нежную полусонную веточку вереска. Этот шрам, из-за которого Иос никак не мог жениться, стал вдруг предметом поклонения. Ты вернул Иосу благосклонность всех женщин, Лукас Устрица! Ты стал его первым другом, ты стал другом бургомистра и другом Дирка Хемскерка тоже. Одноглазый Рогиф стал давать тебе рыбу бесплатно, лучшую рыбу, — еще бы, ты ведь подарил его сыну надежду на любовь самых красивых невест города! Ты хорошо распоряжался этой рыбой, Лукас, — ты просто рисовал ее. И все кошки города — все! — клянусь, я сам это видел, — забыли о настоящих потрохах и розовых жабрах, они целыми днями отирались в твоей мастерской, у твоих картин. И в один прекрасный день перешли от голода, беспомощно глядя на это написанное маслом рыбье великолепие. Все до единой, кроме кошки бургомистра, на которую ты не произвел никакого впечатления... Если бы кто-нибудь задумался, почему это произошло, если бы кто-нибудь решился изгнать тебя, Лукас Устрица, город был бы спасен. Но никому и в голову не пришло связать смерть несчастных тварей с твоими картинами. Все были ослеплены тобой, а ты все рисовал и рисовал, целыми сутками. После стрелков пришла очередь семьи сборщика податей Яна де Блеса, потом — стар-

шего сына письмоводителя, потом — алтаря церкви женского монастыря Святой Терезы... Тебя завалили заказами на несколько лет вперед только потому, что твои картины были настоящим чудом, Лукас Устрица. Я утверждаю это и сейчас, хотя ненавижу тебя, как Ад, как всех демонов Ада. Ад, Ад... Ад пришел вместе с тобой, вот только мы не сумели разглядеть, мы не испугались его. Мы забыли главное — «*Cave, cave, Deus vivit*»¹. И заплатились за это.

Первым стал юный Иос, сын одноглазого Розира: его лодка не вернулась с лова угря. Он вышел в тихую, безветренную погоду, когда на небе не было ни облачка, — и больше никто его не видел. Дирк Хемскерк, начальник стрелков, оказался вторым. Дирк умер в своей постели, крепкий Дирк, не болевший даже простудой. Он просто заснул и не проснулся. Жена нашла его, одетого и в башмаках, с соколиным когтем на груди — эмблемой корпорации стрелков. Дирк был именно в той одежде, в которой ты нарисовал его, Лукас Устрица.

Но и тогда никто не забил тревогу. Две смерти, не считая кошек, — и всего лишь за месяц — разве можем мы сказать, мало это или много?.. Оставшиеся стрелки умерли в течение следующих девяти месяцев: они встретили смерть по-разному, но всегда в одной и той же одежде.

Именно в той одежде, в которой ты нарисовал их, Лукас Устрица.

От них остался только портрет, прекраснее которого я не видел в жизни, клянусь!..

А потом наступил черед монастыря Святой Терезы. Три монахини и три послушницы разрешились от бремени в один и тот же день. Они родили шестерых младенцев мужского пола. Все младенцы оказались мертворожденными, а настоятельница монастыря повесилась перед алтарем, который украшал написанный тобой триптих, Лукас Устрица. Ступни матери-настоятельницы смотрели на правую створку триптиха — «Избиение младенцев»...

¹ «Бойся, бойся, ибо господь все видит» (лат.).

Признайся, ведь эти шесть мертворожденных произросли из твоего семени, Лукас Устрица! Дьявольского семени, будь ты проклят! В который раз я говорю тебе это?.. Не знаю, может быть, ты и пальцем их не тронул, может быть, это семя капало с кончика твоей кисти — а скорее всего так и было, я уже ничему не удивляюсь.

Никто не служил мессу по Христовым невестам, да и были ли они Христовыми невестами, если ты так легко соблазнил их? И так легко ушел от возмездия: ты успел стать святым для всего города, люди поклонялись твоим доскам, как никогда не поклонялись господу. Толпы зевак торчали под окнами твоей мастерской, в надежде увидеть хотя бы кусочек алтаря, который ты писал для церкви Святой Агаты.

Апокалипсис — вот что ты писал.

И все знали об этом. И все холодели от этого. И дожждаться не могли завершения работы.

Ты никого не пускал к себе, Лукас Устрица. Никого, кроме рыжеволосой Катрин, дочери бургомистра, первой красавицы города. Она была влюблена в тебя, об этом знали все, об этом толстая кухарка Ханна нашептывала рыбам на лотках. Бедняжка Катрин! Она влюбилась в тебя еще до того, как ты нарисовал ее портрет с кошкой на коленях. Влюбившись в тебя, она еще не знала, что ее ждет смерть. Утонула — так же, как и юный Иос.

Вот только сына одноглазого Рогира так и не нашли, а рыжеволосую Катрин — нашли. Но сначала... Что же было сначала?

Сначала была Дева Мария.

Дева Мария, которой тоже было уготовано место в твоём Апокалипсисе.

Ты написал ее с влюбленной Катрин.

С мертвой Катрин.

Никто не знает точно, утонула ли она или утопилась, потому что ты отверг ее, Лукас. А может быть, ты сам подтолкнул несчастную к этому шагу: ведь тебе нужна была идеальная натурщица... Так или иначе, но Катрин исчезла ве-

чером, забыв покормить свою кошку. Кошка промяукала всю ночь — так рассказывал сам бургомистр, — а наутро у нее выпала шерсть. День спустя, у плотины, рыбаки нашли одежду Катрин, а еще три дня спустя — и саму Катрин. И знаешь, что еще они нашли рядом с телом, Лукас?

Маленькую дощечку с разведенными на ней красками. Твою дощечку.

Признайся, Лукас Устрица, ведь ты с самого начала знал, куда морские воды вынесут тело дочери бургомистра. Ты всегда оказывался в курсе, не было случая, чтобы чужие смерти забыли назначить тебе свидание. А может быть, ты сам выбрал это место у подножия дюн на северной оконечности города? Море, небо и песок создают там необычайно мягкое освещение, ты сам любил говаривать об этом.

Я так и вижу эту картину: мертвая Катрин у самой кромки воды, прикрытая лишь своими волосами. Кожа, облепленная рыбой чешуей, — ее так и не смогли отодрать; ракушки, что есть силы уцепившиеся за рыжие пряди, — их так и не смогли отодрать. Она была первой красавицей города, но после смерти стала еще прекраснее.

О, как была прекрасна мертвая Катрин, когда ее отпевали в церкви Святой Агаты. Церковь не могла вместить желающих попрощаться с дочкой бургомистра, там были все. Все, кроме тебя, Лукас.

Странно, но никто даже не побеспокоился, чтобы одеть ее: нагота Катрин была такой целомудренной, что любая одежда на ней выглядела бы святотатством. Впрочем, святотатство все-таки свершилось: оно исходило ото всех — от мужчин и женщин, пожиривших Катрин глазами. Женщины... Женщин обуревала яростная, неприкрытая, почти животная зависть: им всем хотелось быть такими же божественно прекрасными, как Катрин. Они бы продали душу дьяволу, лишь бы на одно мгновение стать такими же, как она. Я видел это в самой глубине их остановившихся зрачков. И моя жена, моя маленькая женушка, моя Урсула, — ее тоже не миновала чаша сия. Она хотела быть на месте дочери бургомистра —

клянусь, я сам видел это! Зависть так свела Урсулины пальцы, что, когда мы вернулись из церкви, я даже не смог сразу разжать их. А когда разжал, то увидел глубокие порезы от ногтей — порезы с ровными краями; в их глубине стояла тягучая кровь. Ее цвет понравился бы тебе, Лукас, — точно такой же по цвету была застежка на плаще Девы Марии в твоём алтаре Апокалипсисе...

Все эти месяцы я, как мог, оберегал от тебя свою жену: ты должен был писать наш портрет еще в сентябре, но я перенес сеансы на декабрь, а потом — на март. Если бы ты только знал, чего мне это стоило! Я был единственным, кто смутно чувствовал исходящую от тебя угрозу. Почему я был единственным? Почему кроткий господь смотрел на тебя именно моими глазами?.. Я никогда не узнаю этого. Я никогда не узнаю, как тебе удалось овладеть городом — но это случилось. Он созрел, как плод, и упал к твоим ногам, Лукас Устрица. Ты нарисовал почти всех его жителей, всех его рыб, всех детей, все бульжники и вывески, все кружева и перстни, все волынки и мушкетеры, — ты старательно выкачал из города жизнь и переместил ее на свои чертовы доски.

На свою главную чертову доску (господи, прости меня!) — алтарь для церкви Святой Агаты.

Апокалипсис.

Все ждали, когда он займет свое место в церкви, это было единственным, о чем говорили в городе весь апрель и самое начало мая. Все хотели увидеть Апокалипсис твоими глазами — единственными глазами, которым верили... Все хотели увидеть Апокалипсис и уцелеть. Но так не бывает, когда имеешь дело с концом света, — и получилось, что только я один знал об этом.

Я один.

Почему господь выбрал меня для этого знания?

И почему, понимая неизбежность беды, которая пришла в наш город вместе с тобой, — больше того, — предчувствуя беду, я ничего не сделал, чтобы спасти его? Да что там город — чтобы спасти хотя бы собственную жену, маленькую

Урсулу с ямочками на щеках и ребенком под сердцем. Нашим ребенком.

Или он тоже был твоим, Лукас Устрица?

Почему я не смог никого спасти?

Но ведь и Иисус не смог спасти себя, хотя и знал заранее обо всем. И о поцелуе, и о Варавве, и о платке Вероники... Иисус знал — и ничего не сделал. Таким был его путь. Таким стал и мой путь.

Освящение алтаря было назначено на вторую среду мая. А накануне я уехал. Я был единственным, кто уехал. Я мог остаться в городе еще на день, дела не торопили меня. Но я уехал с печатью молчания на устах. Урсула проводила меня до дверей, я до сих пор помню, как она нетерпеливо переступала теплыми от сна пятками, я до сих пор вижу это. Я до сих пор вижу ее округлившийся живот. Я ждал, что моя женушка скажет мне: «Зачем ты едешь, Хендрик, останься...» Так она говорила всегда.

Только не в этот раз.

Такой ли уж неотложной была моя поездка в Утрехт? Но я уехал, нет, я бежал из города. По дороге мне попадались целые семьи рыбаков из окрестных деревушек: мужчины в новых шляпах, мальчишки в камзольчиках с надраенными пуговицами, почтенные матери в новых чулках и чепцах с лентами, собаки с лоснящейся от сытой жизни шерстью. Я знал, куда они шли.

В город, на смотрины нового алтаря церкви Святой Агаты.

Я заночевал на маленьком постоялом дворе, на полпути к Утрехту. Даже здесь слышали о тебе, Лукас Устрица. Странное дело, мир вокруг казался мне тусклым, звезды — слишком высокими, а дюны — слишком серыми. Наш город был совсем другим... Нет, он СТАЛ совсем другим — с тех самых пор, как в нем появился ты, Лукас...

Я долго не мог заснуть — должно быть, ужин в местном кабачке «К трем мухам» был чересчур обилён: омет, свинина с бобами и воздушный рисовый пирог. А когда наконец-то заснул, то увидел сон.

Я увидел мой город, сладко заснувший в предчувствии твоего Апокалипсиса, Лукас Устрица. Я видел детей, спавших в де-

ревянных кроватях, маленьких люльках и в животах своих матерей. Я видел женщин, прильнувших к правому плечу своих мужей, я видел уснувший колокол церкви Святой Агаты и уснувшие дюны. А потом море затопило их и затопило мой город. Я видел, как волны входят в дома, как хозяева, как они пенятся, и гребни их так похожи на вздыбившиеся гривы коней всадников Апокалипсиса. Холодными руками волны хватали спящих и совали их себе в пасть. И моя Урсула, и мой неродившийся ребенок — они даже не успели позвать на помощь. Вместе с волнами пришли тучи песка и ила, они забивали рты спящим, забивали их закрытые глаза... Смерть их была ужасной.

Никто не спасся.

Никто.

Я проснулся — и сразу же понял, что это не сон. Я не помню, как выбрался с постоялого двора, как пустился в обратный путь, дрожа от страха и отчаяния и проклиная все на свете... Впрочем, далеко я не уехал. Вода остановила меня. В ту ночь она полностью затопила мой город и еще десять деревень в округе: такого наводнения не помнили даже старики. Но я знал, что не стоит винить в этом небо.

Стоит винить только тебя, Лукас ван Острей.

Лукас Устрица.

Стоит винить только тебя, ибо ты — посланец дьявола. Ты украл у моего города жизнь, а сколько еще городов ты погубил своими картинами, этим исчадьем Ада? Твои картины убивали и убивали, пока не убили всех. Я надеюсь, что и ты подох в волнах, и твои краски подохли, и твои кисти подохли, я хочу верить, что какая-нибудь поднятая с самого дна раковина перерезала тебе горло острым краем... Впрочем, это слишком слабая надежда и слишком шаткая вера — ведь дьявола невозможно уничтожить.

Завтра я отправляюсь в Гент, Лукас. Ведь говорили, что ты пришел из Гента.

У меня ничего не осталось — ни дома, ни жены, ни ребенка. Только ненависть к тебе, и я надеюсь, что господь укрепит меня в этой ненависти. Я, Хендрик Артенсен, пойду по следу